

ПЕТРО ■ ТЕАТР ЭСТРАДЫ

Вкус кожаного ремня

Куранта. — 1994. — 6 мая. — С. 12.

“С днем Победы” — так называются концерты, которые состоятся в Театре эстрады 8 и 9 мая. Вновь зазвучат со сцены мелодии уже далеких военных лет. Среди участников программы и те, кто знает события Великой Отечественной не понаслышке. Певица Тамара Кравцова — из их числа.

— Тамара Васильевна, часто вспоминается война?

— Чаще почему-то самое начало. Я тогда была студенткой, как раз сдала историю театра и пошла в кино с молодым человеком. Смотрели “Пронесса о трех миллионах”, хохотали, целовались немало, шептались, как поедем летом к морю. Ну а вышли уже в войну. И жизнь моя военная началась с фронтовой студенческой бригады, которую организовали в Ленинграде. Линия фронта так быстро приближалась, что не всегда успевали добраться до места назначения.

Раз чуть под обстрелом не погибла, осколки попали в обе ноги и в руку. Но держалась, как и все, шутила даже. Знаете, какой самый популярный анекдот был в Ленинграде сорок второго, когда бомбежки каждую ночь, когда топливо для буржук — немислимая ценность? “Муж с женой ночью спят, вдруг — шум. Жена: “Ой, Вася, что это? Небось дрова воруют!” А муж: “Да не волнуйся ты, это бомбежка”.

Еще частушки складывали: “Любимый Ленинград, опять тебя бомбят. Дома разрушены, все кошки скушаны...” Тогда голод страшный был, ели все, что попало: ворон, воробьев, кошек — их мясо безумно вкусным казалось, про-

сти, Господи. И на всю жизнь с тех пор запомнила... вкус кожаного ремня — мы его размачивали, пропускали через мясорубку, варили долго, потом глотали.

Мой отец умер от голода в сорок втором. Он работал в новом порту, туда от нашего дома на Лиговке нужно было топать двенадцать километров, так он сразу на несколько дней уходил. Раз вернулся белый весь, глаза остекленевшие — оказалось, карточки потерял. Увидел кошку нашу голодную, которая вдоль стенки брела: “Барсика надо съесть”. Тогда-то папа и слег. Хоронить мы с мамой везли его на санках через весь Ленинград — на кладбище Обуховской обороны, нынешнее Пискаревское. Закапывать мертвецов уже ни у кого сил не было, просто складывали, как дрова. А потом от голода умерла мама, но уже без меня: нас, самых слабых, к тому времени переправили через Ладожское озеро, отправили в Кострому. Там — сразу в баню, раздели, а мы как уродки — животы громадные, ножки тоненькие. Нас даже к зеркалу не подпускали, и мы все удивлялись: что это банщицы смотрят на нас и плачут?

Но знаете, что странно: когда жила в Ленинграде, в свой старый дом, где родилась, где родители умерли, — ни ногой. А сейчас давно уже москвичка, и жизнь вокруг другая, да вот тянет назад, к тем местам, тем дням, будто все тепло души им отдано. Да и как не тянуть? Встреч дорогих сколько было! В сорок первом помню, в ленинградском Доме офицеров с нашей бригадой репетировала, а там Шульженко пела и там же жила. Бывало, репетируем, а ее сын Го-

ша тут же на роле дремлет...

— Говорят, вы и с Вадимом Козиным знакомы были?

— Так я же первая стала петь его “Осень”, когда сам автор был выслан из Ленинграда, когда все его пластинки запретили. Мне тогда долго это поминали, грозили “черным списком”. А я, когда оказалась с гастролями в Магадане, позвала Козина на концерт, потом он к себе в гости пригласил. Мы после этого все поздравительными телеграммами обменивались. Я любила петь песни из его репертуара — “Дружбу”, “Пару гнедых”...

— А еще какие песни любите?

— Песни своей юности — те, что сейчас причисляют к ретро. Скромные, милые, незатейливые мелодии, которые можно было напевать на кухне, под которые хорошо было танцевать. Не случайно сейчас люди к ним снова стали тянуться: хочется душевности.

— Говорят, вы — из породы людей неунывающих?

— Просто оптимистка. И к тому же урожденная ленинградка, а это много значит. Знаете, как в мое время пели: “Ведь я блокадная девчонка, я это все перенесу!” Конечно, печалей хватает. Муж у меня пять лет как умер, осталась одна, расходы урежаю, машину продала. Но обиднее всего, что в театр ходить перестала: страшно одной по вечерам домой возвращаться. Только жалеть меня не вздумайте — одинокой себя не чувствую. И даже люблю уединение. Конечно, возраст есть возраст. Да я себя успокаиваю: уметь выйти в красивые старухи тоже важно!